

Герфрид Хорст
(Берлин, Германия)

Ханна Арендт и Кёнигсберг

Ханна Арендт родилась в местечке Линден под Ганновером, но своим родным городом она считала Кёнигсберг, столицу Восточной Пруссии, где она росла начиная с трехлетнего возраста. Рассматривается вопрос о влиянии проведенного в Кёнигсберге детства на дальнейшую судьбу философа. Так, к примеру, интерес к философии Канта, знакомство с которым юная Ханна начала еще в четырнадцатилетнем возрасте, Арендт пронесла через всю сознательную жизнь. Также духовными учителями были уроженцы Восточной Пруссии Иоганн Георг Гаманн, Иммануил Кант и Иоганн Готфрид Гердер. Автор статьи полагает, что духовное развитие Х. Арендт в значительной степени определялось интеллектуальной средой и историей города Канта.

Hannah Arendt was born in Linden near Hanover, but considered her hometown to be Königsberg, the capital of East Prussia, where she grew up from the age of three. The article discusses the impact of childhood spent in Königsberg on the fate of the philosopher. So, for example, an interest in the philosophy of Kant, familiarity with which the young Hannah began in the age of fourteen, Arendt carried through her entire adult life. Her spiritual teachers were born in East Prussia: Johann Georg Hamann, Immanuel Kant and Johann Gottfried Herder. The author explains that Hannah Arendt's spiritual development was determined to a great extent by the intellectual environment and the history of the city of Kant.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Иммануил Кант, Кёнигсберг.

Key words: Hannah Arendt, Immanuel Kant, Königsberg.

© Хорст Г., 2015

© Колбанёва С., пер. с нем., 2015

В брошюре, приложенной к диску с фильмом Маргареты фон Тротта «Ханна Арендт», напечатано краткое жизнеописание философа. Оно начинается со следующих слов: «Ханна Арендт родилась 14 октября 1906 года в Ганновере и выросла в социально-демократической среде ассимилированных евреев. Она изучала философию и теологию в Марбурге и Фрайбурге. Среди ее учителей были Эдмунд Гуссерль и Мартин Хайдеггер». В книгах издательства «Пипер», в котором выходили немецкоязычные переводы работ Ханны Арендт, о ее жизни сказано так: «Ханна Арендт родилась 14 октября 1906 года в Ганновере, умерла 4 декабря 1975 года в Нью-Йорке, изучала философию, теологию и греческий язык, в том числе у Хайдеггера, Бульманна и Ясперса, под руководством которого она в 1928 году получила ученую степень».

Кёнигсберг в этих коротких описаниях даже не упоминается. Действительно, Ханна Арендт родилась не в Кёнигсберге, а в пригороде Ганновера. Но из Кёнигсберга родом были ее родители Пауль и Марта Арендт. Пауль Арендт работал в Ганновере инженером. Когда маленькой Ханне только-только исполнилось три года, у Пауля Арендта ухудшилось состояние здоровья из-за сифилиса, которым он заразился за несколько лет до свадьбы, а позже считал, что вылечился. Он стал нетрудоспособным. Поэтому он с женой и ребенком вынужден были вернуться в Кёнигсберг. Они поселились в районе Хуфен, на улице Тиргартенштрассе, д. 6 (сегодня ул. Зоологическая). Отец Пауля, любимый дедушка Ханны Макс Арендт жил совсем неподалеку, на Гольтц-Аллее (ныне улица Гостиная).

В марте 1913 года Макс Арендт умер, в октябре того же года скончался его больной сын Пауль Арендт. Маленькую Ханну воспитывала ее мать, Марта, урожденная Коон. В 1920 году овдовевшая Марта Арендт вышла замуж за торговца скобяными товарами Мартина Беервальда. Он был сыном эмигранта из России, родился и вырос в Кёнигсберге. Марта и ее дочь Ханна перебрались в дом отчима на улице Бузольтштрассе.

се (ныне улица Ермака)¹, буквально в двух кварталах от Тиргартенштрассе. В районе Хуфен жили состоятельные кёнигсбержцы, именно там между Тиргартенштрассе, Гольтц-Аллее и Бузольтштрассе росла маленькая Ханна.

В августе 1914 года, когда началась Первая мировая война, казалось, что русская армия вскоре войдет в Кёнигсберг. Поэтому Марта Арендт вместе с дочерью бежала к своей младшей сестре в Берлин. Там они провели десять недель. В берлинском районе Шарлоттенбург Ханна пошла в школу для девочек. Семья и друзья ее баловали, однако мать писала: «Все равно в ней живет огромная тоска по нашему дому»². Биограф Ханны Арендт, писательница Элизабет Юнг-Брюль, писала:

Марта Арендт неоднократно замечала, что незадолго до начала поездки или перед каникулами, ее дочь заболела, за исключением тех каникул, которые они проводили вместе на Балтийском побережье Восточной Пруссии, «которые она предпочитала любым поездкам»³.

Когда Ханне было шесть лет, а ее родители как раз собирались отправиться вместе с ней в баварские Альпы, у девочки настолько воспалилось горло, что поездку пришлось отменить. Через четыре месяца после возвращения в Кёнигсберг Марта снова захотела поехать вместе с дочерью в Берлин, но у Ханны началась лихорадка, сильный кашель, проявились другие заболевания, такое состояние продлилось десять недель. Следовательно, в детстве Ханна Арендт вела себя как многие другие кёнигсбержцы: она не хотела отсюда уезжать. Маленькая Ханна очень любила краткие выезды на побережье Балтийского моря. У дедушки Арендт имелся летний домик непо-

¹ *Young-Bruehl E.* Hannah Arendt — Leben, Werk und Zeit. Frankfurt a/M., 2004. S. 67.

² *Ibid.* S. 58.

³ *Ibid.* S. 61.

далеку от Кранца (ныне Зеленоградск), бабушка Коон, мать Марты жила в Нойкурене (сегодня Пионерский), и семья охотно проводила там лето⁴.

Ханна Арендт ничего не писала о своем детстве и юности в Кёнигсберге и довольно редко об этом высказывалась. Поэтому мы можем лишь предполагать, в какой мере и каким образом этот первый отрезок ее жизни отразился на дальнейшем взрослении и деятельности.

В телевизионном интервью с Гюнтером Гаусом, записанном в октябре 1964 года, она говорит: «Мой дед был президентом либеральной общины и депутатом городского собрания Кёнигсберга. Я родом из старинной кёнигсбергской семьи»⁵. Что же нам известно об этой «старинной кёнигсбергской семье»? Как пишет уже упомянутая Элизабет Юнг-Брюль, мать дедушки Макса Арендта, то есть прабабушка Ханны, «прибыла в Кёнигсберг во времена Мендельсона, приехав вместе с семьей из России»⁶. Это вряд ли возможно, поскольку Моисей Мендельсон умер в 1786 году, а Макс Арендт родился в 1843 году⁷. В любом случае дедушка по отцовской линии является первым представителем семьи Ханны Арендт, родившимся в Кёнигсберге. Дед по материнской линии Якоб Коон родился в 1838 году в части Литвы, относившейся к России, а в 1852 году вместе со своими родителями бежал в Кёнигсберг из-за юдофобской политики царя Николая I⁸. Бабушка Фанни Коон, урожденная Шпиеро, также в молодости приеха-

⁴ *Schüler-Springorum S. Hannah Arendt und Königsberg // Geschichte und Kultur der Juden in Ost- und Westpreußen / Hrsg. M. Brocke et al. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2000. S. 511—529, 517.*

⁵ *Arendt H. Denken ohne Geländer, Texte und Briefe / Hrsg. von H. Bohnet und K. Stadler. München, 2006. S. 219.*

⁶ *Young-Bruehl E. Op. cit. S. 40.*

⁷ *Ibid. S. 648.*

⁸ *Prinz A. Hannah Arendt oder die Liebe zur Welt. Berlin, 2012, S. 19 ; Heuer W. Hannah Arendt. Reinbek bei Hamburg, 1987. S. 9.*

ла в Кёнигсберг из России⁹. Она говорила по-немецки с сильным русским акцентом и охотно рядилась в русскую крестьянскую одежду¹⁰.

Итак, все предки Ханны Арендт были из России. Единственный, кого можно назвать «старым кёнигсбержцем», — это ее любимый дедушка Макс Арендт. Почему же она не сказала, что происходит из семьи выходцев из России? Ответом может быть только мысль, что она сама воспринимала себя не как потомка российских иммигрантов, а именно как кёнигсбержку.

Как рассказывал Курт Блюменфельд, ментор и друг Ханны Арендт, ставший позднее сионистским политиком — уроженец Восточной Пруссии, он изучал юриспруденцию в Альбертине, то есть в Кёнигсбергском университете, и был вхож в дом Макса Арендта. Хозяин дома был пламенным немцем и цитировал выражение Габриэля Риссера¹¹: «Того, кто отрицает мою немецкость, я сочту убийцей»¹². Напротив, его внучка Ханна Арендт не рассматривала себя в качестве немки. Карл Ясперс как-то сказал: «Разумеется, вы немка!» Она ответила: «Да видно же, что нет!»¹³ В письме, адресованном Свободному университету Берлина и написанном в 1964 году, она упоминала «Кёнигсберг, мой родной город»¹⁴. Пусть она и не воспринимала себя как немку, но все-таки считала себя кёнигсбержкой.

Один из немногих ныне живущих уроженцев Кёнигсберга, которым пришлось носить желтую звезду Давида и которые своими глазами видели закат Кёнигсберга, писатель и музыкант Михаэль Вик дал описание того, какое впечатление производил Кёнигсберг на ребенка:

⁹ *Schüler-Springorum S. Op. cit. S. 513.*

¹⁰ *Young-Bruehl E. Op. cit. S. 43.*

¹¹ Габриэль Риссер (1806—1863), гамбургский советник Верховного суда, был первым в Германии судьёй-евреем.

¹² *Schüler-Springorum S. Op. cit. S. 514.*

¹³ *Interview mit Günter Gaus // Arendt H. Denken ohne Geländer. S. 221.*

¹⁴ *Manthey J. Königsberg — Geschichte einer Weltbürgerrepublik. München ; Wien, 2005. S. 612.*

Кёнигсберг был городом, который невероятно питал детскую фантазию. Прямо сказать, детский город-мечта... с величественным замком в центре. Перед ним стоял кайзер — огромный, больше человеческого роста, в короне, с грозно поднятой саблей. В четырехугольном замковом дворе был погреб с ужасающим названием «Кровавый суд». Совсем неподалеку от замка на очаровательном Замковом пруду, где плавали лебеди и утки, можно было взять лодочку напрокат и покататься. Через реку Прегель вели живописные мосты; разводные мосты, из-за которых мы нередко опаздывали в школу, они вели на остров, расположенный в центре города. Старинный собор, в котором я впервые услышал «Страсти по Матфею», от которых у меня перехватило дыхание, был доминантой острова Кнайпхоф. У стен собора покоится философ Иммануил Кант, слова которого отлиты в металле и укреплены на замковой стене... Многочисленные старые склады, перед которыми постоянно причаливали баржи с новым грузом, извилистые узкие переулки, мощные ворота в крепостных стенах — все они свидетельствовали о древней истории. Благодаря им легко можно было поверить в то, что в этом городе живут и сказки, и легенды...¹⁵

Вот в таком городе и росла Ханна Арендт. Она училась в школе королевы Луизы на улице Ландгофмейстерштрассе (сегодня это школа №41 на ул. Сергея Тюленина), так как это была единственная в Кёнигсберге гимназия для девочек, там можно было изучать латынь и греческий язык. Греческий был любимым предметом Ханны Арендт. Предположительно она ездила в школу и обратно домой на трамвае, изо дня в день пересекая родной город. Можно не сомневаться, что его вид наложил на нее свой отпечаток.

Все в Кёнигсберге указывало на его самого великого сына. Писатель Макс Фюрст, на год старше Ханны Арендт, в автобиографии описывает «памятную доску с цитатой Канта, укрепленную на стене Кёнигсбергского замка, его знаменитые

¹⁵ *Wieck M. Zeugnis vom Untergang Königsbergs — Ein „Geltungsjudе“ berichtet. München, 2005. S. 51.*

слова о звездном небе и моральном законе. Каждому школьнику Кёнигсберга пришлось хотя бы раз переписать эту цитату слово в слово...»¹⁶

Иммануил Кант был в Кёнигсберге истиной в последней инстанции в вопросах хорошего поведения. Кантовские достоинства стали и прусскими добродетелями, примером которых служил Фридрих Вильгельм I и с которыми Кант практически вырос, так как его родители были пиетистами и детей воспитывали соответственно: вежливость, скромность, чувство долга и верности ему, честность, умение довольствоваться малым, прилежание, усердие в работе и уважение начальства. Мысль Канта сформировала культурный слой в Кёнигсберге таким образом, который выходил далеко за пределы религиозных ограничений; все кёнигсбержцы вне зависимости от формы вероисповедания поддерживали его учение¹⁷.

В XVIII веке евреи в Пруссии еще не были равноправными гражданами, тем не менее они находились под защитой прусского правового государства. Андрей Болотов, российский офицер, живший в Кёнигсберге во время Семилетней войны, в автобиографии рассказывает, что один немецкий знакомый пригласил его на свадьбу по иудейскому обычаю. Будучи в совершенном изумлении, он описывает, что в празднестве приняли участие кёнигсбергские ремесленники, священники, коммерсанты с женами и дочерьми, студенты, дворяне и офицеры, а евреи отличались от прочих собравшихся только локонами от висков к подбородкам, но в остальном же и они, и их жены были одеты столь же хорошо, сколь и остальные гости¹⁸. В России он ничего подобного не видел.

¹⁶ *Fürst M. Gefilte Fisch — Eine Jugend in Königsberg. München, 1973. S. 39.*

¹⁷ Информация получена в частной беседе автора с Михаэлем Виком 5 ноября 2014 года.

¹⁸ *Leben und Abenteuer des Andrej Bolotow, von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschrieben, 1738 — 1795. München, 1990. Bd. 1. S. 321—322.*

Врач Маркус Херц был оппонентом Канта на защите его докторской диссертации. Позднее, переехав в Берлин, он остался важным партнером по переписке с Кантом. Исаак Авраам Ойхель, преподававший в Альбертине философию и ближневосточные языки, в 1783 году основал в Кёнигсберге первый современный журнал на иврите *Ha Meassef* («Собиратель»), ставший центром иудейского просвещения.

Двадцать пятого августа 1896 года была освящена Новая синагога на Линденштрассе (сегодня ул. Октябрьская) в районе реки Прегель, напротив старого здания университета, на церемонии присутствовали обер-президент провинции Восточная Пруссия граф Бисмарк, городской комендант генерал-лейтенант Койлер, обер-бургомистр Гофман, университетская профессура Альбертины, а также евангелический священник, суперинтендант Лакнер. От имени города выступал кёнигсберский вице-бургомистр Карл Бринкман. Он поздравил общину синагоги с тем, что «в вашем празднике с радостью принимают участие все кёнигсбергские сограждане. С высоко поднятой головой и наверняка с вашего согласия я позволю себе сказать: здесь, в Кёнигсберге, представители всех религий и конфессий живут в мире и согласии друг с другом и друг рядом с другом»¹⁹. В торжественной проповеди по случаю 200-летия со дня рождения Иммануила Канта, которая прозвучала во второй день праздника Пессах 5684 (в европейском летосчислении это было 20 апреля 1924 года) в Новой синагоге в Кёнигсберге, раввин общины доктор Райнхольд Левин выразил точку зрения, что «мировое гражданство нравственности — это общая заповедь Моисея и Канта: нравственный завет, который каждому дает благородство и достоинство, связывает

¹⁹ *Brinkmann K.* Rede zur Eröffnung der Königsberger Neuen Synagoge 1896 // Festschrift zum 25 jährigen Jubiläum der Königsberger Synagoge, 1921. Цит. по: *Schüler-Springorum S.* Die jüdische Minderheit in Königsberg/Pr. 1871—1945. Göttingen, 1996.

его с общим и целым. Моисей... через тысячелетия... протягивает руку главному мыслителю немецкого народа»²⁰.

Зная эту подоплеку, можно лучше понять самосознание Ханны Арендт, которому она сама дала такое описание:

Факт в том, что я не просто никогда не притворялась кем-то, кем я не являюсь, но я никогда даже не испытывала соблазна так поступить... Даже в детстве. Быть еврейкой для меня означает несомненную данность моей жизни, и я никогда не желала ничего изменить в этих фактах жизни²¹.

Основой такого самосознания «была само собой разумеющаяся принадлежность к евреям, идентичность, которая практически процветала в либеральной и сравнительно плюралистичной атмосфере довоенного Кёнигсберга»²². У Макса Фюрста самосознание было примерно таким же:

Я никому не позволяю навязывать или предписывать мне, кем мне быть. Может быть, я не являюсь немцем — а кто это вообще такой, — но я кёнигсбержец, восточный пруссак, и я здесь на своем месте, как и многие другие, кто здесь родился и живет²³.

За три с половиной года до прихода к власти в Германии национал-социалистов и ровно за 15 лет до того дня, когда старый Кёнигсберг погиб в пламени британских налетов, Томас Манн в беседе с «Кёнигсбергер альгемайне цайтунг» 29 августа 1929 года сказал о своих ощущениях во время первого визита в Восточную Пруссию:

²⁰ Lewin R. Mose und Kant // „Denken wir uns aber als verpflichtet ...“ / Hg. R. Matler. Königsberger Kant-Ansprachen 1804 — 1945. Erlangen, 1992. S. 156—159.

²¹ *Schüler-Springorum* S. Op. cit. S. 524.

²² *Ibid.* S. 523.

²³ *Fürst M.* Op. cit. S. 195.

Я и сам не знаю, почему образ Востока настолько полюбился мне за столь короткое время. Может быть, это дополнение меня самого? Восточные пруссаки такие иные, такие неповторимые. Возможно, в их подсознании, в сердце и разуме, живет чужой великий миф... я нахожу здесь мост, ведущий в славянский культурный круг...²⁴

Самосознание Ханны Арендт и Макса Фюрста соответствовало требованию, которое Томас Манн выдвинул во время беседы с журналистом газеты «Кёнигсбергер альгемайне цайтунг»:

Все действительно добрые и праведные духом должны иметь возможность высказаться во всех странах, во всех зонах. Но важен характер... Немец должен быть немцем, уроженец Восточной Пруссии — пруссаком, вестфалец и ганноверец — нижне-саксонцем.

Только в соединении индивидуальностей возникает настоящее единство. Так происходит и с семьями народов, наций. Тот европейский дух, который мы хотим возделывать, появится лишь тогда, когда каждый будет «сам собой». Отрицание самих себя делает трусливыми²⁵.

Ханна Арендт самоотречением не занималась и не боялась столкновений. В пятнадцать лет она повздорила с учителем школы королевы Луизы и была исключена оттуда. Два семестра она училась в Берлинском университете, затем ей было позволено сдать школьные экзамены экстерном. В юбилейном кантовском 1924 году — в тот же год кёнигсбергский архитектор Фридрих Ларс построил надгробие на могиле Канта у Кафедрального собора — Ханна Арендт сдала все в той же школе королевы Луизы выпускной экзамен и гордо демонстрировала своим бывшим одноклассницам золотой значок с изображением герцога Альбрехта, так называемый «Альбертус», который в Кёнигсберге вручали выпускникам, причем она закончила школу на год раньше их.

²⁴ *Königsberger Allgemeine Zeitung*, 29. August 1929, Gespräch mit Thomas Mann // *Frage und Antwort, Interviews mit Thomas Mann 1909—1955* / Hrsg. v. V. Hansen und G. Heine. Hamburg, 1983. S. 146.

²⁵ *Ibid.* S. 147.

Уже в юности Ханна Арендт познакомилась с трудами своего земляка Иммануила Канта. Сделала бы она то же самое, если бы росла в Ганновере? Юрген Мантей считает следующим образом:

В Канте она видит философа, который отличается от всех своих предшественников — за исключением Сократа и Руссо — тем, что он не использует созерцательный труд, философию, для того чтобы отделиться от прочих не-философов, и в этом смысле она сама тоже станет кантианкой, и можно считать, что основы этого курса были заложены в ее кёнигсбергской юности²⁶.

В 1924 году, когда ей только что исполнилось 18 лет, Ханна Арендт покидает Кёнигсберг и начинает учебу в Марбурге, которую затем продолжит во Фрайбурге и Гейдельберге. Но она сохранила связь со своим родным городом, где жили ее мать со своим вторым мужем Мартином Беервальдом и его дочерьми Кларой и Евой. Несмотря на второе замужество, в 1927 году Марта Арендт вместе с дочерью отпраздновала свою серебряную свадьбу с Паулем Арендтом, праздничная трапеза состоялась в ресторане рядом с Кёнигсбергским загсом, где они поженились²⁷. В 1929 году Ханна Арендт переезжает в Берлин и начинает знакомиться с биографией женщины по имени Рахель Варнхаген; «первые результаты этой работы она представила год спустя на заседании Союза еврейских женщин в своем родном Кёнигсберге»²⁸. В апреле 1932 года Клара Беервальд, страдавшая депрессией, покончила жизнь самоубийством; Ханна Арендт немедленно выехала в Кёнигсберг²⁹. В августе 1933 года она эмигрировала в Париж и более уже не могла ездить в Кёнигсберг. Однако там осталась ее мать; она покинула город только после погромов так называемой «хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года.

²⁶ *Manthey J.* Op. cit. S. 615.

²⁷ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 64.

²⁸ *Schüler-Springorum S.* Op. cit. S. 525.

²⁹ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 159.

Во время учебы в школе Ханна Арендт была в центре группы детей из интеллигентных еврейских семей, она регулярно приглашала друзей в дом своего отчима Беервальда на Бузольтштрассе, занималась вместе с ними греческим языком и говорила о философии³⁰. Покинув Кёнигсберг, Ханна Арендт сохранила связи с этим кругом друзей³¹. Ее кёнигсбергская знакомая Анна Мендельсон, позднее ставшая женой французского философа Эрика Вейля, на всю жизнь осталась близкой подругой. В письме своему другу Курту Блюменфельду 29 марта 1953 года она писала об Анне: «Аннушка Мендельсон, ныне Анна Вайль. Все еще “лучшая подруга”, как во времена детства»³². Через полгода после смерти Анны, в 1974 году, она навестила в Штутгарте Макса Фюрста, которого знала еще ребенком, и его жену³³.

Ганс Йонас и Элизабет Юнг-Брюль так описывают поведение Ханны Арендт по отношению к друзьям:

Ханна Арендт, как сказал Ганс Йонас на ее похоронах, была «гением дружбы». По собственным словам, ее движущей силой была эротика дружбы; она считала дружеские связи центральными в своей жизни. Арендт посвящала книги своим друзьям; создавала их словесные описания; писала статьи для их публикаций, посылала им на день рождения стихи и письма, цитировала их, постоянно рассказывала их истории. Она в совершенстве владела языком дружбы³⁴.

Удивительно, что ученик и биограф Канта, Райнхольд Бернгард Яхманн, в биографии, опубликованной сразу же после смерти Канта в 1804 году, нашел очень похожие слова для описания поведения Канта по отношению к его друзьям:

³⁰ *Young-Bruehl E.* Op. S. 71—72.

³¹ *Ibid.* S. 105—106.

³² *Hannah Arendt — Kurt Blumenfeld.* S. 83.

³³ *Schüler-Springorum S.* Op. cit. S. 529.

³⁴ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 15.

Кант отличался особенно теплым чувством дружбы³⁵; Кант был горячим, сердечным, участливым другом и сохранил это теплое сердечное чувство дружбы до глубокой старости. Его чувствительная душа непрестанно занималась всем, что касалось его друзей; он принимал близко к сердцу малейшие обстоятельства их жизни; он глубочайшим образом беспокоился за их неудачи и сердечно радовался, когда опасности и угрозы разрешались счастливым образом³⁶.

Есть определенное сущностное родство между обоими кёнигсбержцами, Иммануилом Кантом и Ханной Арендт. Иммануил Кант провел свою жизнь в кругу друзей в Кёнигсберге; Ханна Арендт покинула свой родной город и Германию, но она не отказалась от своих кёнигсбергских друзей. Она вспоминала «годы, во время которых родной язык и дружба зачастую были единственными точками опоры в потоке войны, изгнания, новых языков и незнакомых обычаев»³⁷.

Когда в 1964 году Гюнтер Гаус спросил ее, что осталось для нее из догитлеровской Европы, она ответила: «Остался язык... Родному языку нет замены»³⁸. В ответ на вопрос о впечатлениях, полученных в 1949 году, когда она впервые вернулась в Германию, она сказала: «...меня несказанно обрадовало то, что на улице говорили по-немецки»³⁹. Но ее родным языком был не просто немецкий, а тот диалект, на котором говорили в Кёнигсберге, с типичными восточнопрусскими выражениями и с особым кёнигсбергским тембром. В письме 29 марта 1953 года она сообщала своему другу Курту Блю-

³⁵ *Jachmann R. B.* Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund. Königsberg, 1804. Achter Brief, S. 75.

³⁶ *Ibid.*, S. 83.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Arendt H.* Von Wahrheit und Politik, Originalaufnahmen aus den 50er und 60er Jahren. München, 1999/2006. 5 CD-Box, CD 1, Track 8, 4:20.

³⁹ *Ibid.*, Track 9, 5:43.

менфельду, что «Самбурски⁴⁰ был здесь и приедет еще раз. Мы провели вместе очень славный вечер, и я была в полном восторге, снова слыша чистейшую кёнигсбергскую речь»⁴¹.

В письме от 23 октября 1960 года она попросила Блюменфельда назвать ей дату процесса над Эйхманом, поясняя: «У меня куча всевозможных обязательств, и я должна своевременно все отметить, но не хочу просто отменить все подряд и стоять потом с помытой шеей, а дядя так и не придет (как говорят в Восточной Пруссии)»⁴².

В письме она всегда использовала настоящее время глаголов, «потому что так говорят в Восточной Пруссии», хотя в 1960 году Восточная Пруссия уже была в прошлом. После смерти мужа Генриха Блюхера в 1970 году ее кёнигсбергская «лучшая подруга» Анна Вейль, урожденная Мендельсон, приехала из Франции и довольно продолжительное время оставалась рядом с Ханной в Нью-Йорке. «С помощью приходящей домработницы Салли Дэвис Анна Вейль организовала покупку продуктов, готовку пищи, и, что важнее всего, она говорила по-немецки, употребляя восточнопруссские обороты речи, которые были знакомы подругам со времен юности»⁴³.

В интервью с Гюнтером Гаусом, которое состоялось 28 октября 1964 года, Ханна Арендт иногда говорит на восточнопруссском диалекте, возможно, потому что она рассказывает о себе, а не читает научную лекцию. Особенностью восточнопрусского произношения является, к примеру, что безударный слог „-in“, служащий для обозначения женского рода, ослабляется и звучит как „-en“. В Восточной Пруссии произносят не „die Ärztin“, а „die Ärzten“. Так, Ханна Арендт произносит слово

⁴⁰ Шмуэль (Самуэль) Самбурски, родился 30 октября 1900 года в Кёнигсберге, умер 18 мая 1990 в Иерусалиме, физик и историк.

⁴¹ *Hannah Arendt — Kurt Blumenfeld*. S. 83.

⁴² *Ibid.* S. 257.

⁴³ *Young-Bruehl E.* Op. cit. S. 593.

„Philosophin“ как „Philosophen“, а слово „Jüdin“ как „Jüden“⁴⁴. Подобно берлинцам, уроженцы Восточной Пруссии смягчали произношение согласного „g“ перед гласным „e“, часто произнося его как „j“, именно так говорит Ханна Арендт:

„Wenigstens habe ich was jemacht“⁴⁵ (Я хоть что-то сделала)
„... der war ja abjemeldet“⁴⁶ (он же выписался)
„... dies hatten sie ja auch nich jewollt“⁴⁷ (они этого и не хотели)

Неоднократно она говорит „dasjenije“, „diejenijen“, „die einzijen“, произнося немецкие слова с диалектальным окрасом, а на один из вопросов Гюнтера Гауса отвечает, приводя типично восточнопрусское неперебиваемое выражение: «Сегодня я уже не смогу вам это расчихвостить»⁴⁸.

Р.-Б. Яхман сообщал о Канте:

Он рассматривал язык общения лишь как средство, чтобы легче обмениваться мыслями; следовательно... для всеобщего легкого общения не может быть иного языка, кроме как того, что есть в этой местности. Поэтому он был в своем языке столь безмятежен, что активно пользовался провинциализмами, а во многих словах следовал ошибочному провинциальному произношению⁴⁹.

И Ханна Арендт, и Кант говорили на языке, имевшем характерную окраску той местности, откуда они были родом, — Восточной Пруссии. У них был общий родной язык.

Но не только язык, а еще и дух родного города, так называемый *Spiritus loci*, города, в котором они выросли, оказывал свое воздействие на обоих. В главе «Общий характер Кёнигс-

⁴⁴ *Arendt H.* Originalaufnahmen aus den 50er und 60er Jahren. Track 3.

⁴⁵ *Ibid.* Track 3, 4:00.

⁴⁶ *Ibid.* Track 9, 4:12.

⁴⁷ *Ibid.* Track 9, 4:30.

⁴⁸ *Ibid.* Track 4, 2:40.

⁴⁹ *Jachmann R.B.* Op. cit. Sechster Brief, S. 60.

берга» своих «Кёнигсбергских набросков», вышедших в 1842 году, автор Карл Розенкранц, преемник Канта в качестве профессора философии в Альбертине, пояснил суть Кёнигсберга следующими словами:

Как мне кажется, основная черта Кёнигсберга заключается в его *универсальности, которой владеет яснейший разум...* Это доказывает его *расположенность к прогрессу...* Но в своей универсальности он также обладает *неумолимой* разумностью... Эта разумность во взаимосвязи с универсальностью, является причиной редкой *справедливости суждения...* И если поэтому из Кёнигсберга вышла критическая философия, то в этом видится нечто большее, чем просто случайность⁵⁰.

Кантовская критическая философия выросла из кёнигсбергского духа. То, что Ханна, четырнадцатилетняя школьница в Кёнигсберге, начала интересоваться трудами Канта и что в свои последние годы жизни и незадолго до смерти 4 декабря 1975 года в Нью-Йорке работала над текстом, в центре которого стояла политическая философия Канта, определенным образом связано с Кёнигсбергом. Ее духовными учителями были уроженцы Восточной Пруссии Иоганн Георг Гаман, Иммануил Кант и Иоганн Готфрид Гердер. Юрген Мантей цитирует слова Ханны Арендт, сказанные в 1964 году Йоахиму Фесту: «В том, как я думаю и рассуждаю, я все еще из Кёнигсберга. Иногда я пытаюсь утаить это от самой себя. Но это так»⁵¹.

Кёнигсбержец Иммануил Кант проел всю свою жизнь в родном городе и в то же время был гражданином мира. Гражданка мира Ханна Арендт провела самую большую часть своей жизни вдали от родины. Но если рассмотреть ее жизнь и труды, то приходишь к выводу, что всю свою жизнь она оставалась уроженкой Кёнигсберга.

Пер. с нем. С. Колбанёвой

⁵⁰ Rosenkranz K. Königsberger Skizzen. Danzig, 1842. Nachdruck: Hannover-Döhren, 1972. S. 64—69 passim.

⁵¹ Manthey J. Op. cit. S. 629.

Список литературы

1. *Arendt H.* Denken ohne Geländer, Texte und Briefe / Hrsg. von H. Bohnet und K. Stadler. München, 2006.
2. *Arendt H.* Von Wahrheit und Politik, Originalaufnahmen aus den 50er und 60er Jahren. München, 1999/2006.
3. *Fürst M.* Gefilte Fisch — Eine Jugend in Königsberg. München, 1973.
4. *Interview* mit Günter Gaus // Denken ohne Geländer, Texte und Briefe / Hrsg. von H. Bohnet und K. Stadler. München, 2006.
5. *Jachmann R.B.* Immanuel Kant geschildert in Briefen an einen Freund. Königsberg, 1804.
6. *Königsberger Allgemeine Zeitung*, 29. August 1929, Gespräch mit Thomas Mann // Frage und Antwort, Interviews mit Thomas Mann 1909—1955 / Hrsg. v. V. Hansen und G. Heine. Hamburg, 1983.
7. *Prinz A.* Hannah Arendt oder die Liebe zur Welt. Berlin, 2012.
8. *Heuer W.* Hannah Arendt. Reinbek bei Hamburg, 1987.
9. *Schüler-Springorum S.* Hannah Arendt und Königsberg // Geschichte und Kultur der Juden in Ost- und Westpreußen / Hrsg. M. Brocke et al. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2000.
10. *Wieck M.* Zeugnis vom Untergang Königsbergs — Ein „Geltungsjuden“ berichtet. München, 2005.
11. *Young-Bruehl E.* Hannah Arendt — Leben, Werk und Zeit. Frankfurt a/M., 2004.